

Валентина Гавриловна Федотова –

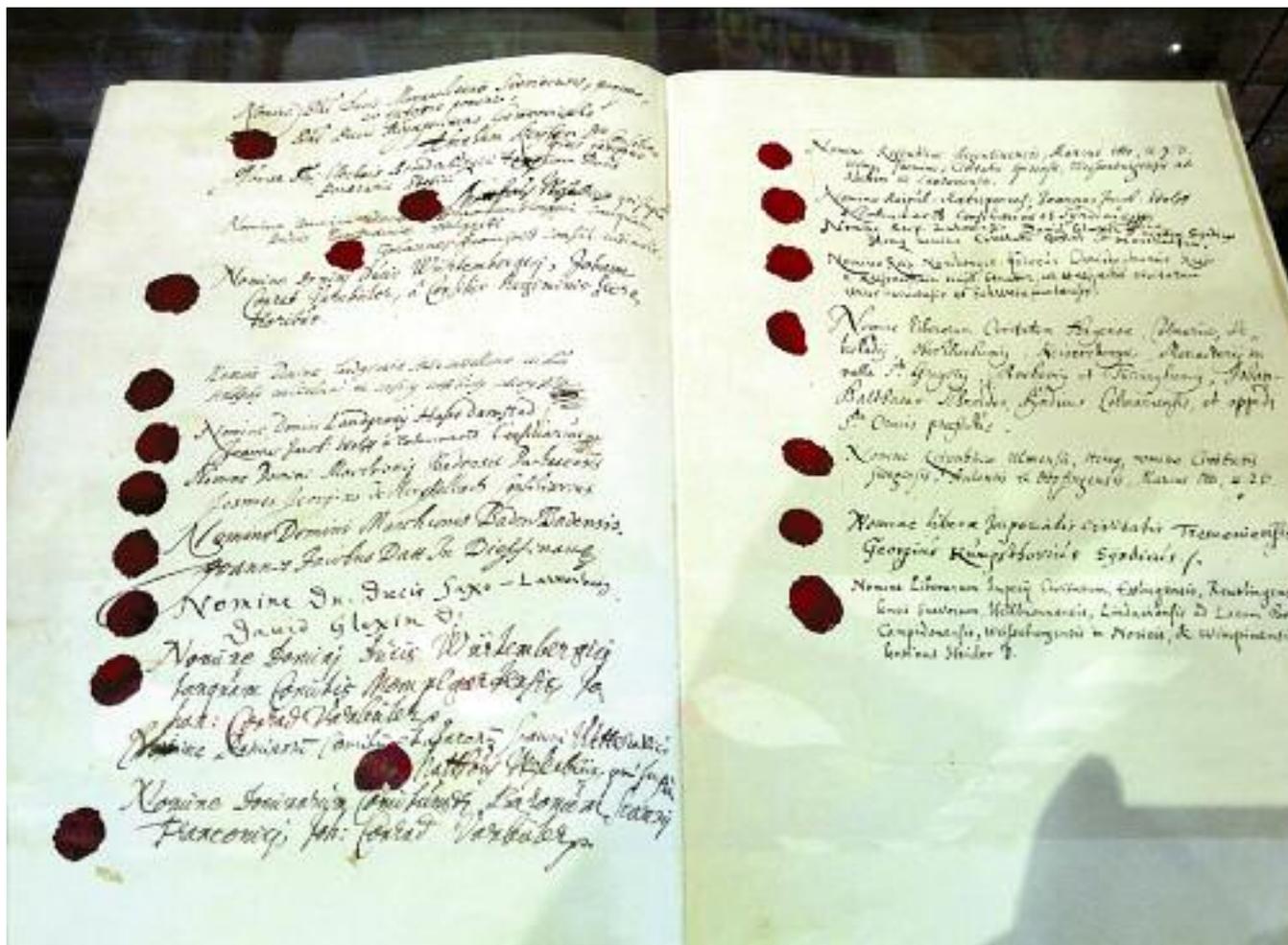
доктор философских наук, профессор,
академик РАН, главный научный сотрудник,
руководитель направления «Социальная
философия и проблема построения
гражданского общества в России»
Института философии РАН

Довестфальский, вестфальский и поствестфальский мировой порядок

Столетний юбилей начала Первой мировой войны, наконец-то, вывел эту войну из тени сознания российского общества, обозначив дату роковой перемены. Известный историк Анатолий Уткин, автор книги «Первая мировая война», отмечает, что 1914 год мог бы стать блестящим и успешным годом для России и мира, но стал годом жесточайшей мировой войны, изменившей ход истории и сложившийся мировой порядок. Более того, Версальский мир не устранил предпосылки войны. А великий немецкий философ Иммануил Кант в своем трактате «К вечному миру» писал, что если мирный договор заключается тогда, когда не устранены предпосылки войны, то война практически неизбежна. Поэтому Вторая мировая война наследовала стремление решить проблему нерешенных целей Герма-

нии, второй раз за столетие вовлекая Россию и другие страны в новый кошмар и создавая угрозу разрушения суверенитета России и других государств. Как и Первая мировая, Вторая мировая перегруппировала силы, выдвигая США, выводя их из длительного изоляционизма в мировые дела и стимулируя лидерские устремления этой державы к усилению своего суверенитета и ослаблению его у других. Первая мировая война показала, как отмечает Уткин, что «медленный “естественный” ритм российского экономического развития стал невозможен. Отставание стало равносильно потере национального суверенитета».

Важно отметить, что суверенитет имеет разные виды. Может идти речь о суверенитете любого государства – независимо от времени его существования и от политической

формы — как о его праве ориентироваться на собственные интересы. Государственный суверенитет — это состояние государства, при котором оно само определяет свою политическую волю. Во французской Декларации прав человека и гражданина от 1789 года утверждается суверенитет народов, под которым понимается полновластие народа, его социально-экономическое и политическое право участия в управлении обществом и государством.

В данной статье будет обсуждаться преимущественно суверенитет и право на суверенитет государства в его новой форме — национального государства.

Проблема суверенитета в довестфальском и вестфальском мировом порядке

В Европе система национальных суверенных государств

В Европе система национальных суверенных государств сложилась после завершающего Тридцатилетнюю войну Вестфальского мирного договора 1648 года (на фото).

сложилась после завершающего Тридцатилетнюю войну Вестфальского мирного договора 1648 года. В довестфальской Европе существовали социальные системы с различными формами правления. Их скреплял божественный статус папы, дававшего власть многообразным правителям региона. Национальное государство не возникло в ходе естественной эволюции, а было изобретено при подготовке Вестфальского мира. Территории независимых городов преобразовывались в новую форму территориальной целостности — национальные государства. Тридцатилетняя война между католиками и протестантами прятала политические цели под религиозной оболочкой, и новое мировое

устройство разрушило политическое лидерство Священной Римской империи и главенство римского папы, столь очевидное прежде. Оно не отменяло стремления государств к господству, вытеснив австрийских Габсбургов посредством возвышения Франции и Швеции, и допускало впредь, что государство, занимающее господствующее положение, может потерять его из-за стремления других государств к господству. Вестфальский мир утверждал мир не вообще, а лишь мир в истощенной войной Европе того времени. И потому он оказался непрочным. Кроме того, он не отменял войн — потому что не устранял, как уже отмечено, их предпосылки. Но установленная Вестфальским миром система на-

Вестфальская система выразила формулу суверенитета известной фразой: «Кто правит, того и вера». Эта новая система способствовала возникновению капиталистической экономики на уровне национальных – а не локальных – рынков и границ.

циональных суверенных государств явилась основой международных отношений вплоть до конца XX века и до сих пор имеет значение, хотя она и заметно ослаблена.

Владимир Колпаков в совместной со мной и Надеждой Федотовой книге «Глобальный капитализм: Три великие трансформации. Социально-философский анализ взаимоотношений экономики и общества» рассмотрел три точки зрения на формирование наций. Согласно первой, нации существовали

вечно, определялись историческим сознанием и культурно-территориальным единством. Они не были открытием XIX века, а составляли основу государства еще в эпохи Античности и Средневековья. Вторая точка зрения рассматривает появление вестфальской системы национальных государств как переход к формированию национальных государств – новых общностей, возникающих из локальных структур традиционного типа и объединенных в административно-территориальном

и политическом отношениях в государство. Вестфальская система выразила формулу суверенитета известной фразой: «Кто правит, того и вера». Эта новая система способствовала возникновению капиталистической экономики на уровне национальных – а не локальных – рынков и границ.

Третья точка зрения: европейские нации окончательно сформировались под воздействием экономической интеграции. По мнению Эрнста Геллнера, только классический капитализм трансформировал этнически и культурно разнообразные общества, территориально объединив их в единое государство. Как считает наш соавтор, это не три конкурирующие кон-

цепции нации, а характеристики различных этапов ее формирования. На первом этапе этнические и территориально-культурные общности интегрированы до уровня появления метафизических основ и символических знаков единства, до внутренних рынков традиционных обществ. На втором этапе образуется вестфальская система национальных государств, обеспечивающая интеграцию этих общностей, воспринятых уже как данность. «Происходит замена жизни, развивающейся естественным путем под давлением повседневных обстоятельств и событий, на жизнь, формируемую пока еще не вполне ясным замыслом, абстрактной идеей общей жизни на новых основаниях и принципах. <...> До сего момента история людей была обращена в прошлое, она уходила своими истоками в дни творения, когда мир воспринимался как созданный одноактно и существовавший без каких-либо изменений от своего начала. С появлением государства происходит разворот человека к своему будущему в форме совместного проекта жизни, которую необходимо еще как-то обустроить», — отмечает Колпаков.

Капитализму после образования буржуазных наций уже требуется глобальный рынок, и первая глобализация осуществляется в период с 1885 по 1914 год как свободная торговля, *free trade*. Она была остановлена начавшейся Первой мировой войной. Обозначившаяся в ходе первой глобализации специфика отдельных стран стала менее важной по сравнению с различием между западной цивилизацией и незападным миром. В период первой глобализации Запад впервые предстал как мировая система капитализма. Буржуазные нации сложи-

лись при поддержке государств, возникших на Западе в результате Вестфальского мира. В капиталистическом обществе обозначилась органическая солидарность, связанная с разделением труда. Смит считал разделение труда полезным для достижения экономической эффективности, но оглуляющим население. Критик капитализма Маркс рассматривает капитализм этого периода как имеющий цивилизационную миссию: «Буржуазия быстрым усовершенствованием всех орудий производства и бесконечным облегчением средств сообщения вовлекает в цивилизацию все, даже самые варварские, нации. Дешевые цены ее товаров — вот та тяжелая артиллерия, с помощью которой она разрушает все китайские стены и принуждает к капитуляции самую упорную ненависть варваров и иностранцев. Под страхом гибели заставляет она все нации принять буржуазный способ производства, заставляет их вводить у себя так называемую цивилизацию, то есть становиться буржуа. Словом, она создает себе мир по своему образу и подобию». И далее: «Буржуазия показала, что грубое проявление силы в Средние века, вызывающее такое восхищение реакционеров, находило себе естественное дополнение в лени и неподвижности. Она впервые показала, чего может достигнуть человеческая деятельность. Она создала чудеса искусства, но совсем иного рода, чем египетские пирамиды, римские водопроводы и готические соборы; она совершила совсем иные походы, чем переселение народов и крестовые походы». Но генезис капитализма, включавший первоначальное капиталистическое накопление, и промышленная революция были огромным социальным

потрясением. И всевозрастающая роль либеральных начал привела к доминированию экономики над обществом. Именно это создало кризис, за которым последовала новая попытка измениться и ввести найденный способ изменения в ранг стабильной тенденции.

Вестфальская система дала миру систему национальных государств. О демократии речь не шла до тех пор, пока в Америке после Филадельфийского конгресса (май—сентябрь 1787 года) не возникла филадельфийская система, в которой уже демократия выступила на передний план. Вестфальский мир продолжал существовать, но фактор демократии оказался существенно новым. Он распространился сначала на Францию, потом на Европу в целом. Сегодня в мире осталось немного стран, которые отрицают его значение. И сейчас происходит не только трансформация вестфальской системы, но и трансформация филадельфийской системы в связи с глобализацией, поскольку новые провозглашенные демократии имеют часто специфические черты, связанные с особенностями своих культур. Демократия тоже трансформируется. Но — подобно требованию суверенитета — требования демократии приобрели значимость.

Факторы, влияющие на вестфальское наследие, — суверенитет национальных государств и возможности поствестфальского мира

Осмысление глобализации, экономического господства, новых форм эксплуатации, описание перспектив мультикультурализма и перспектив вестфальской системы

национальных государств становятся ядром размышлений о будущем. Идеи такого масштаба содержат слишком большой риск генерализаций, концептуальных построений и теорий будущего мегатренда из-за высокой скорости изменений, происходящих как в каждой отдельной стране, так и в мире в целом, и возможности смены траекторий развития событий. На наших глазах некоторые выдающиеся гипотезы потерпели поражение. Так произошло с марксистской и либеральной идеями. Внезапно сбрасывались со счетов учения и ученые, стоящие по обе стороны двух радикальных идеологий — коммунизма и неолиберализма. Как пишет Джованни Арриги, «есть поучительная ирония в том, что <...> распад одной идеологической ортодоксии привел к бурной колонизации интеллектуального пространства ортодоксией противоположного знака». Подобное произошло и с концепцией «конца истории» Фукуямы. Хотя глобализация явилась победой либерализма в мировом масштабе, «конца истории» не наступило. Многие народы Азии, Латинской Америки, напротив, только начали становиться субъектами истории, защищающими свои суверенитеты. Великие трансформации Модерна (становление первого Модерна, переход ко второму и третьему) осуществляются при одновременном существовании вестфальской системы национальных государств и ослабляющей ее глобализации. Это противоречие разрешается, согласно Ульриху Беку, сознательной ориентацией познания, политической практики, культурных отношений на многообразие, диалог и предотвращение общих для человечества угроз, а также на предотвращение

глобализации локальных несчастий. Сегодня рождается новое — пятое (после колониализма, либерализма, марксизма и неолиберализма) — понимание космополитизма, которое основано не на признании унифицирующей роли Запада или антибуржуазных коммунистических идей, а на идеях диаметрально противоположного свойства — на глобализации как вовлечении в капитализм самых разных народов, на признании мультикультурализма и глобальной взаимозависимости национальных государств. В сознании многих космополитическое сообщество ассоциируется с международными организациями, в которых при всем многообразии представленных в них людей разных культур царит английский язык и западное объединяющее начало. Но Бек не говорит о реальности космополитизма в данный момент. Он строит обширную программу и недетерминированный сценарный прогноз, при котором космополитические методологии в социологии, в отличие от националистических (ориентированных на изучение обществ в рамках национально-государственных границ), получают преимущество. Он надеется, что национальное государство претерпит внутреннюю глобализацию и сознательно перейдет на космополитические позиции, что сложатся институты глобального гражданского общества. Это можно утверждать, если игнорировать новые капитализмы в Азии, капитализм в России сегодня, где все чаще возлагаются надежды на то, что национальный характер экономик и будет гарантом их этической приемлемости. Казалось бы, глобализация ослабляет вестфальскую систему и моральные опоры глобального капитализма

надо искать в ней самой. Но дело обстоит совсем наоборот. Моральные основы сегодня ищут в ближайших средах: в сообществах людей — в отличие от обществ, в обществах национальных государств — в отличие от глобального общества.

То, что глобализация не является унификацией и не может устранить культурное многообразие, стало очевидным. Между тем наиболее близкие к концепции Бека принципы трактовки космополитизма изложены несколькими американскими и индийскими авторами. Эти авторы считают, что «капитализм предусматривает, что он является широко распространенной сетью рынков и доходов; коммунизм апеллирует к рабочим мира с целью их объединения; поздний либерализм страстно выступает против инструментализма или детерминизма и за признание за человеком статуса носителя универсальных прав. Но любое из названных видений мира заключено в рамки идеала национального суверенитета. <...> Космополитизм наших времен не проистекает из капитализированных “доблестей” рациональности, универсальности и прогресса, он также не воплощен в мифе о нации в самом широком ее понятии и в фигуре гражданина мира. Космополиты сегодня — часто жертвы современности, капиталистической вертикальной мобильности. <...> Беженцы, представители диаспор, мигранты, изгнанники выражают дух космополитического сообщества». Авторы этих строк говорят также о новом, или постуниверсалистском, космополитизме, параметрами которого становятся нации, мультикультурализм и глобализация. Западный космополитизм, исходящий из чувства собственного превосход-

Говард Чэндлер Кристи. Подписание конституции США. 1940 год

ства, отвергается в этой формуле. Противостояние двух мировых систем, национализмы составляли препятствие космополитизму, который перед лицом этих противников не мог организовать себя.

Ратующие за универсализацию опыта Запада и смотрящие на национальную жизнь как на варварскую приходят в радикальное противоречие с таким пониманием космополитизма. Пониманием, которое, повторим, утверждает необходимость удержания национально-культурной суверенности перед лицом глобализации, культурного давления Запада, универсализирующего космополитизма и мультикультурализма.

Эта позиция не совпадает с представлениями тех, которые жаждут распада вестфальской системы национальных государств и убеждены, что не все государства заслуживают суверенности. Космополитизация государства — это не его

Вестфальская система дала миру систему национальных государств. О демократии речь не шла до тех пор, пока в Америке после Филадельфийского конгресса (май–сентябрь 1787 года) не возникла филадельфийская система, в которой уже демократия выступила на передний план. Вестфальский мир продолжал существовать, но фактор демократии оказался существенно новым.

исчезновение, а появление у него новых функций. Возникают новые глобальные акторы, среди которых — территориальные объединения. Все акторы и игроки связаны глобальной политической экономией. Нарастает требование суверенитета народов, не удовлетворенных своим статусом в составе того или иного государства. Ограниченный космополитизмом национализм — так же, как и ограниченный принципами демократии, — дает новые источники легитимации власти, что позволяет рассматривать шансы различных акторов на заметное участие в глобальной политико-экономической игре.

Роль государств в такой системе международных отношений не устраняется. Они по-прежнему имеют власть на внутренней территории. Но их действия подотчетны обществу государств, которое может быть представлено в международных организациях. Государства становятся посредниками между локальными, региональными и глобальными уровнями. Они — могущественные акторы, но они не так суверенны, как это традиционно понималось. Некоторые авторы считают их моделями ограниченного суверенитета.

Наилучший способ осуществления глобальных обяза-

Великие трансформации Модерна осуществляются при одновременном существовании вестфальской системы национальных государств и ослабляющей ее глобализации. Это противоречие разрешается, согласно Ульриху Беку (на фото), сознательной ориентацией познания, политической практики, культурных отношений на многообразие, диалог и предотвращение общих для человечества угроз, а также на предотвращение глобализации локальных несчастий.

тельств справедливости Бек, как и многие другие, находит в создании глобализированных моделей социального сотрудничества, при которых базовые структуры транснационального социального сотрудничества, производящие и воспроизводящие несправедливость между народами, могут быть демонтированы и заменены новыми.

Таким образом, желательность или нежелательность глобализации сегодня не подлежит обсуждению. Она есть. Ее перспективы и угрозы для суверенитета, безусловно, важно исследовать. Но прежде всего необходимо сказать о ее сущности: глобализация означает победу капитала и информационной свободы над национальными интере-

сами (в особенности незападных стран) и создание транснациональных систем. Вестфальская система национальных государств, составлявшая основу мирового порядка в течение последних 350 лет, дала трещину. Филадельфийская система как более позднее «уточнение» вестфальской системы также претерпевает изменения.

На глобальном уровне слабо проработан вопрос об изменении не только вестфальской системы национальных государств, но и об изменении филадельфийской системы демократии. Но особо драматичной выглядит невозможность поставить проблему развития незападных стран в старые рамки вестернизации или догоняющей модели разви-

тия. Запад не только оторвался от остальных, но и позаботился об ускорении своего дальнейшего прогрессивного развития. В этих условиях незападные страны ставят вопрос о праве на прогресс, на улучшение жизни своих народов.

И капитализм, и вестфальская система, которая сделала национальное государство мировым институтом, и филадельфийская система, которая сделала демократию мировым институтом, — это всё шаги на пути глобализации, установления общности человечества.

Второе дыхание вестфальской системы национальных государств

Многие всё еще не видят того, что мир уже не догоняет Запад, а включен в глобальный мировой порядок на его предварительных (но не окончательных) условиях. Еще не исчезли постмодернистские интерпретации, питавшиеся изрядной долей хаоса преобразований, фрагментацией смыслов прежней жизни, появлением новых исторических акторов. Уже начали формироваться признаки рациональной борьбы за лидерство, успех и признание в условиях глобализации в прежде изолированных пространствах. Дискуссии о вестфальской системе национальных государств и ее будущем еще имеют вариации, но одновременно вырабатывается новый вектор их эволюции. На месте дискурса с эфемеризмами «постиндустриальный», «постмодернистский», свидетельствующими лишь о том, что перемены колоссальны, но мы не знаем, какие они, сегодня выстраивается рациональный дискурс нового капитализма. Этот дискурс охватывает не только

экономику, но и общество с такими его сферами, как этика, культура, человек, и дает новые категориальные сети. Если бы не было подъема Китая, Индии, Индонезии, Бразилии, России, можно было бы думать по-прежнему. Но эти страны демонстрируют новый тип развития, позволяют увидеть новые тенденции. Они осуществляют вестернизацию, но не следуют догоняющей модели развития.

Наряду с влиянием глобализации отмечается противоположная тенденция — ее конкуренция с ростом значимости государств и национальных интересов в экономике и в социальных инновациях. Происходит рост национально-государственного видения и смена методологий в сторону признания нового — третьего — Модерна как самого Запада, так и незападных стран. Мы предлагаем два сценария развития незападного капитализма: либо как культурно и политически изолированно действующей экономической машины, либо как «нового Нового времени» для незападных стран — своего рода повторения генезиса, характерного для западного капитализма, с возможным достижением его классической фазы — индивидуализма, индустриализма, формирования или даже строительства буржуазных наций, меняющихся идентичностей. В любом из этих сценариев Запад выступает как культурно-специфический регион — наряду с другими. Своей политической культурой он защищает собственный капитализм. И если даже незападные страны берут из него только экономическую машину или медленно идут прежней дорогой Запада, то они уже не догоняют сегодняшний Запад.

Есть и третий сценарий, который имеют в виду прежде все-

го постмодернисты, — пестрота, хаос на долгое время, смесь всяких удавшихся и неудавшихся тенденций. Но для того и существуют философия и наука, чтобы этот «вызов дьявола», как говорил про такие тенденции Арнольд Тойнби, не состоялся. Он может возникнуть вследствие пандемий, генетических мутаций, климатических катастроф, терроризма и прочих нежелательных и непредсказуемых процессов, но его невозможно планировать, так как организовать управляемый хаос таких масштабов в чьих-то интересах просто нельзя. Речь идет о сложных системах, в которых самое малое возмущение — не говоря уже о большом — может, в отличие от простых систем, вызвать катастрофу. Здесь мы целиком разделяем интенцию Юргена Хабермаса: «Я пытаюсь шаг за шагом реконструировать философский дискурс о Модерне. В этом дискурсе Модерн — с конца XVIII столетия — был поднят до уровня философской темы».

Капитализм на Западе получил ускоренное развитие в XIX веке в связи с начавшимся ростом национализмов, обеспечивавших, по словам Эрнста Геллнера, совпадение политической, экономической и национальной общностей. Хотя вестфальская система национальных государств сложилась в XVII веке, в них не вызрели нации как сообщества людей, связанные не только территориальной, культурной, социальной, политической, но и экономической общностью. Французская буржуазная революция продолжила формирование наций на политической основе, после нее еще долго, по мнению ряда ученых, в Западной Европе государства создавали нации, а в Восточной Европе нации создавали государства. Государства соз-

давали нации на основе прежних сложившихся идентичностей, но нередко и формируя их. В Восточной Европе этносы, осознавшие свою идентичность как национальную, стремились к созданию государств. С образованием в Европе буржуазных наций, то есть экономически интегрированных сообществ, строящихся на прежних или новых культурных и политических предпосылках, процесс расширения местных рынков до общенациональных завершился мировым распространением, называемым первой глобализацией, продолжавшейся, как отмечалось выше, с 1885 года и вплоть до Первой мировой войны. Эта глобализация характеризовалась свободной торговлей, обменом товаром, идеями и людьми, пока война и более поздние системные оппозиции глобализации — национализм, коммунизм и фашизм — не оборвали этот процесс, возобновившийся лишь в конце XX века.

Уже в период первой глобализации передовые нации, заинтересованные в распространении капитализма, столкнулись с отставшими нациями, нуждавшимися для своего развития в протекционизме и составившими своего рода «второй эшелон» развития, в который до определенной степени входила и Россия. Сегодня он сменяется «третьим эшелоном» выходящих вперед новых стран, куда Россия снова входит после посткоммунистической революции вместе с другими странами прежней коммунистической системы и новыми капиталистическими и индустриальными странами Азии и Латинской Америки.

Первая мировая война противопоставила национализм глобальному капитализму и либерализму в качестве системной оппозиции. Следствием этого стали социал-демократия,

Якоб Йорданс. Аллегория Вестфальского мира. 1654 год

Дискуссии о вестфальской системе национальных государств и ее будущем еще имеют вариации, но одновременно вырабатывается новый вектор их эволюции. На месте дискурса с эвфемизмами «постиндустриальный», «постмодернистский», свидетельствующими лишь о том, что перемены колоссальны, но мы не знаем, какие они, сегодня выстраивается рациональный дискурс нового капитализма.

буржуазная и социалистическая революции в России, раскол мира на две социальные системы после Октября. Именно эти события создали кризис в формировании договора о ценностях, разрушив прежнюю веру в прогрессивность либерального капита-

лизма и приведя к потере значения всех прежних конвенций.

То, что глобализация не является унификацией и не может устранить культурное многообразие, предотвращать социальные и другие системные риски, вероятность которых

стремительно возрастает, и отвечать на вызовы тех тенденций, которые ведут к разрушению вестфальской системы, стало очевидным.

Появление посткоммунистических стран, вставших на путь капитализма, стран нового капитализма и хозяйственной демократии в Азии, новых индустриальных стран в этом регионе и в Латинской Америке сопровождалось глобализацией, победой либерализма и капитализма в глобальном масштабе, их стремлением продвинуться на прежде закрытые территории. Глобальный капитализм был усилен однополярностью, ведущим местом США в мире и заинтересованностью этой страны в глобальном распространении рынка. Доктрина Буша о превентивных ударах подорвала основной принцип вестфальской системы национальных государств — «кто правит, того и вера».

Вместе с тем очевидные шаги к глобализации в экономике и информационном взаимодействии стран нового капитализма (России, Южной Кореи, Индии, Индонезии, Бразилии) или стран нового индустриализма, осуществляемого в социалистической форме при наличии рынка (Вьетнам и Китай), не мешают им сегодня обладать сильной государственной властью и суверенностью, уверенностью в незыблемости вестфальской системы.

Стрела времени, вынесшая человечество на путь прогресса, сегодня сворачивается в цикл: человечество оказалось в начале Модерна для незападных стран, в «новом Новом времени» для них, и западный капитализм становится одним из существующих капитализмов — мощным, но не менее своеобразным, чем остальные. Он перестает быть образцом для остальных в ином — кроме экономическо-

го — смысле. Это происходит потому, что сам Запад меняется, а также потому, что глобальный капитализм включил почти весь мир, самые разнообразные и неравномерно развитые общества. Запад сегодня готов к функционированию своих капиталов в странах чужой культуры, квазидемократий, квазирыночных отношений, будучи не в состоянии призвать всех к изменению социальной, культурной и политической среды по своему образцу.

Если прежде капитализм перемалывал культуры, то теперь (или пока) мы видим в западных странах нового капитализма и индустриализма стремление к сохранению своих культур. При этом они развивают способность заимствовать или перемалывать капитализм и индустриализм, социальные технологии Запада как своего рода машины, подобно тому как используют «Мерседес» во множестве стран или переделанный на азиатский лад «Макдоналдс». Пример России очень характерен для понимания того, как либеральная модель превратилась в модель автохтонного капитализма. Здесь появилась управляемая, а затем суверенная демократия. Сложилась неформальная, не ставшая целиком рыночной и сохранившая кланово-корпоративные черты экономика, о закономерностях которой не приходится говорить в силу того, что движение товаров и капиталов не приняло в ней объективного, квазиприродного характера, на который рассчитывала неолиберальная модель. Здесь сохранился коллективизм, а индивидуализм проявился в специфически-эгоистической форме как вульгарный слепок с рыночных отношений, имеется слабое политическое и социальное участие населения, присутствуют архаиче-

ские начала, всплывшие в результате демодернизации в ельцинский период, наличие расколота культура, противостояние «патриотов» и «западников», очевидна трудность достижения согласия и компромисса.

Автором данной статьи был введен термин «автохтонный капитализм». При этом мы стараемся не называть его местным, культурно-специфическим или каким-либо еще, ибо его автохтонность может быть определена разными особенностями — региональными, политическими, традиционными, религиозными, культурными, цивилизационными либо их комбинацией. Так, автохтонность российского капитализма можно характеризовать его социокультурной спецификой, которая плохо уживается с либеральными проектами. Рынок Китая вписан в китайскую цивилизационную и политическую специфику. Капитализм исламских государств — религиозно особенный и характеризуется наличием уммы — исламской всемирной общности, которая надеется на возможность альтернативной исламской глобализации.

Два сценария опоры на принципы вестфальской системы сегодня

На наш взгляд, возможны два сценария развития автохтонных капитализмов, взятых в аспекте их связи с проблемой развития национализмов, наций и национальных государств.

Первый сценарий. Он уже обозначен: использование хозяйственной машины капитализма в качестве механизма при сохранении существующей специфичности любого рода. Этот сценарий мог бы быть признан началом нового вектора суверенного и капита-

листического развития. Развития, обусловленного тем, что Запад в условиях собственных трансформаций и глобализации утратил статус образца развития, а в новый капитализм вступили страны, до сих пор наименее склонные к заимствованию как механизмов капиталистической экономики, так и западной культуры, в которой она вызревала. Этот сценарий мог бы скорее всего реализоваться при изменениях капитализма, описываемых в неокapиталистических теориях (неосмитианство, либерализм, предполагающий справедливость, идеи общего блага, удержание моральных ценностей обществом), а также при изменении ценностей техногенной цивилизации, при всё большем понимании экологических, антропологических и социальных пределов прежде казавшейся бесконечной человеческой активности и креативности. Такому сценарию могли бы способствовать выстраиваемые государствами механизмы защиты своей автохтонности как своего рода суверенности, усиление государств в рассматриваемых странах, поддержание в них патриотизма и чувства достоинства, единства и доверия, их направленности на создание и воссоздание национального единства. Патриотизм и автохтонность хорошо здесь могли бы работать на подъем собственной экономики. Это был бы путь к удержанию вестфальской системы. Нации здесь стремились бы к поддержанию своих традиционных и политических идентичностей, не пытались стать буржуазно-индивидуалистическими преимущественно за счет экономической интеграции.

В России, как уже было отмечено, автохтонный капитализм может формироваться на основе не только независи-

Глобальный капитализм был усилен однополярностью, ведущим местом США в мире и заинтересованностью этой страны в глобальном распространении рынка. Доктрина Буша о превентивных ударах подорвала основной принцип вестфальской системы национальных государств – «кто правит, того и вера».

мости и суверенности государства, но и некоторой культурной специфики, а также идеала объединения идей прогресса и справедливости, культурной традиции и инновации, европейских основ российской культуры и особенностей ее развития. Китай окружил свою автохтонную рыночную систему двойной защитой – политической (социалистическая система) и цивилизационной (устоями своей пятитысячелетней цивилизации). Индия – глубокой традицией цивилизационной общности, несмотря на культурное многообразие, парламентскую систему и бурный рост. Индонезия и Бразилия – опорой на активный слой населения с игнорированием слоев, не склонных к социальной и экономической активности, что сохраняет специфическую форму их капитализма, получившую название «бразилизация».

Однако история западного капитализма показывает, что

и Запад имел этап, когда хозяйственные системы капитализма начинали складываться, а общество оставалось традиционным. В средневековых городах Северной Италии и даже на начальном этапе существования вестфальской системы национальных государств, трансформировавшей территорию в национально-государственную форму, хозяйственная система капитализма еще не преобразовывала общество в капиталистическое. Это произошло позже. Напомним, что в традиционных обществах местные рынки были встроены в институты общества и даже способствовали их сохранению. При капиталистической системе на ее последующих фазах развития общественные институты, как считает Владимир Колпаков, становятся зависимыми, встроенными в рыночные отношения.

Второй сценарий. Это развитие по уже пройденной Западом

модели, что нельзя исключить. Если странам нового капитализма или новым индустриальным странам неосоциализма не поможет их региональная, традиционная, политическая, религиозная, цивилизационная защита своих особенностей и хозяйственный механизм начнет трансформировать их специфику, второй сценарий для посткоммунистических стран, Индии, Бразилии и Индонезии, стран Азии окажется существенно похожим на развитие капитализма на Западе. Это открывает новый цикл развития как подобный Новому времени – цикл «нового Нового времени» для незападных стран – и переходу к модернизации стран нового капитализма или его хозяйственных систем. В этом случае не исключено, что ориентация на длительное строительство социализма, совмещенного с рыночными механизмами, во Вьетнаме и Китае может смениться в некотором отдаленном будущем на капиталистическую систему с возможными элементами социал-демократии. В этом случае вестфальская система национальных государств не только удержится, но и получит второе дыхание, связанное с необходимостью ее укрепления, а также с образованием новых национальных государств, исходящих из собственных представлений. И тогда Запад может оказаться одним из существующих образцов капитализма вместе с его новыми носителями в Азии и в посткоммунистическом мире. Ведь при глобализации мегатренд модернизации исчезает и уходит на уровень национальных моделей. Этот макросценарий распадается на три микросценария. В первых, сценарий многообразных национальных капитализмов и хозяйственных демократий, становления буржуаз-

Депо скоростных поездов в Китае

ных наций на этнооснове. Во-вторых, сценарий выработки Восточной Азией во главе с Китаем новой модели капитализма для азиатского региона либо имеющей мировое значение. В-третьих, сценарий конвергенции азиатского развития по капиталистическому пути или пути хозяйственной демократии с западным капитализмом.

В отличие от тех, которые отрицают значимость вестфальской системы суверенных государств сегодня, американский политолог Айрис Янг считает, что она важна, поскольку предоставляет суверенное право всем существующим государствам — сильным и слабым, большим и маленьким. Тем не менее степень взаимозависимости государств настолько возросла, что немногие государства могут закрыться от воздействия других государств и международных организаций. Поэтому изменения по отношению к преж-

Китай окружил свою автохтонную рыночную систему двойной защитой — политической (социалистическая система) и цивилизационной (устоями своей пятитысячелетней цивилизации). Индия — глубокой традицией цивилизационной общности, несмотря на культурное многообразие, парламентскую систему и бурный рост. Индонезия и Бразилия — опорой на активный слой населения с игнорированием слоев, не склонных к социальной и экономической активности, что сохраняет специфическую форму их капитализма, получившую название «бразилизация».

ним принципам вестфальской системы состоят в том, что принцип самоопределения сегодня не тождественен суверенитету. Ни одна страна сейчас не является островом с четким разделением между единолично контролируемой собственной внутренней территорией и внешней территорией, над которой она не имеет власти. Но суверенитет и автономия позволяют принимать и осуществлять независимые решения внутри страны и защитить выбор своего пути при наличии успехов в мировом

сообществе государств. Возникает вопрос об изменении характера международных организаций в сторону толерантности к выбору стран и народов и намерения согласовывать их интересы, достигать компромисс, а не искать виновного.

Сходные модели обсуждаются. Они получили названия: «космополитическая демократия», «расширенный федерализм», «непосредственная совещательная многосторонность», «многосторонний федерализм», «децентрализованное

Айрис Янг (на фото) считает, что вестфальская система важна, поскольку предоставляет суверенное право всем существующим государствам – сильным и слабым, большим и маленьким. Тем не менее степень взаимозависимости государств настолько возросла, что немногие государства могут закрыться от воздействия других государств и международных организаций. Поэтому изменения по отношению к прежним принципам вестфальской системы состоят в том, что принцип самоопределения сегодня не тождествен суверенитету.

рассредоточение», «подотчетная автономия» и «дифференцированная солидарность». Некоторые исследователи, как мы уже отмечали, считают их моделями ограниченного суверенитета.

По словам известного социолога Зигмунда Баумана, национальное государство – государство, которое превращает факт рождения в «основание собственного суверенитета». Предельная толерантность может быть проявлена в отношении жизни человека, но не в отношении любого образа его жизни и суверени-

тета государства, не в отношении его способности во зло другим использовать свой суверенитет.

В странах, которые были упомянуты как страны автохтонного развития – Россия, Китай, исламские страны, Индия, Бразилия, Индонезия, – социально-культурные изменения, особенно в молодежной среде, начинают быть заметными, и многие полагают, что удержать автохтонные тенденции возможно лишь до определенных пор.

Глобальный характер меняющегося капитализма представляет возможности для большего многообразия капитализмов, что уже проявляется сегодня. Но это многообразие может быть обеспечено только в форме национально-государственных образований, которые сохраняют и воспроизводят вестфальскую систему национальных государств. Ко-

избежным этапом. Казалось бы, эти нации уже сформированы. Подтверждением тому – тысячелетняя история России, пятитысячелетняя история Китая, древняя история других народов Южной Азии, арабского Востока, Афганистана, Ирака, куда сегодня американцы стремятся принести капитализм и демократию. Однако правильнее сказать, что сформированы национальные государства в соответствии с вестфальской системой, но с внутренним составом, в котором гражданская нация (а не этносы) не всегда завершила свое формирование, а буржуазные – экономически интегрированные – нации еще не сложились.

Но поскольку вестфальская система национальных государств сделала универсальной политической единицей национальное государство, политически общества во всех странах мира были интегрированы как нации. И в ходе этой интеграции играли роль прежние идентичности. В отличие от тех, которые сводят эти идентичности к этнокультурным, укажем на другие. Исходные идентичности Китая и Индии как национальных государств – цивилизационные. Культуры на севере и юге, востоке и западе Китая отличаются друг от друга. Этническое многообразие Индии чрезвычайно велико, но эти древние государства в вестфальской системе обрели политическую составляющую собственной интеграции в нацию, надстроенную над господствующим значением уникальной цивилизационной общности.

Не вдаваясь в дискуссии по поводу дефиниций понятия «цивилизация», отметим две основные тенденции: с одной стороны, отождествление культуры и цивилизации, их общего противостояния

варварству, с другой — противопоставление культуры и цивилизации, рассмотрение последней как завершенной фазы культуры, которая уже не характеризуется непрерывным становлением. Освальд Шпенглер писал о европейской цивилизации в час ее казавшегося заката — через несколько лет после Первой мировой войны: «Культура и цивилизация — это рожденный почвой организм и образовавшийся из первого при его застывании механизм. Здесь различие <...> между становлением и ставшим». Шпенглеровская трактовка цивилизации в теоретическом плане искажается универсализацией того осуждения «заката Европы», которое Шпенглер сделал после ужасов Первой мировой войны. Ставшее Европы пришло в противоречие с ее становлением, с ее идеалами. По существу, так же считал и Эдмунд Гуссерль, утверждавший, что с конца XIX века в Европе развился кризис философии и науки как их неспособность «дать нормативное руководство более высокому человеческому типу, который как идея должен был развиваться в Европе исторически». Однако эта критика ставшего вместо того, каким оно могло стать, не отменяет дефиниции цивилизации как завершенного культурного развития, когда культура как символическая программа человеческой деятельности получает завершенность своих оснований и следующих из них норм. Культурная революция в Китае была попыткой взрыхлить почву древней цивилизации, чтобы сделать возможным выращивание на ней нового.

Но уже в ходе Первой мировой войны начинали создаваться новые конвенции — справедливости в отношении стран более позднего развития, преобладания национально-го-

сударственных интересов с одновременным революционным отрицанием этой конвенции (в России — большевистским меньшинством, а затем, по мере тяжести и бессмысленности участия России в Первой мировой войне, — и массами). Вакуум власти в США заполнился влиянием олигархических структур. Только сила политической воли Теодора Рузвельта и Вудро Вильсона потребовала от олигархов этих стран переключить интересы с частной сферы на общественную. Эти процессы можно поместить в разряд попыток формирования буржуазной нации, которая в силу эгалитаризма и суверенитета народа оказывается в перспективе солидарной и может формировать гражданское общество. Великая Октябрьская социалистическая революция «втокнула» в общество конвенцию социальной справедливости между классами. Затем последовали Вторая мировая война и холодная война, вновь выдвинувшие на передний план конвенцию национально-государственного суверенитета и процветания, началось усиление организованности капитализма, состоялся переход Запада в конце 1950-х — начале 1960-х к потребительскому обществу, произошло формирование технической рациональности и технократического управления. Подъем Японии и других азиатских «тигров» разрушил принятые конвенции, побудив думать о них в терминах постиндустриального общества. Две мировые войны способствовали росту государственного капитализма, таможенному протекционизму, расколу мира на блоки и две социальные системы после социалистической революции в России.

Легитимация интересов различных социальных групп может вести к компромиссу и

взаимному признанию всех слоев общества как граждан одной страны. Национальная консолидация и есть исходная точка формирования гражданского общества. Гражданское общество от нации отличается тем, что первое — это возможность общественного саморегулирования, а вторая при таком преобразовании подчиняет себя только принципу идентичности и историческим корням. Национализм возможен, казалось бы, при наличии гражданского общества, в котором государственная власть уравновешена обществом-нацией. Но парадокс в том, что исторически видна связь между возникновением гражданского общества и эффективно функционирующей экономикой. Эти два процесса взаимосвязаны. Отчасти защита гражданским обществом национально-государственного суверенитета в экономике смыкается с идеей национально-особенной экономики.

Таким образом, вполне оправданно говорить о довестфальской системе мирового устройства. Но поствестфальская система, как ее принято называть, скорее характеризует эволюцию вестфальской системы, нежели ее завершение. Ни глобализация, ни космополитизация, ни региональные объединения не отменили существующих национальных государств, присущего им суверенитета, хотя, конечно, он может быть как сильным, так и слабым. Многие незападные страны переходят на позиции соединения своих цивилизационных, культурных оснований с национально-государственным строительством на основе рыночной экономики и этим обозначают свое стремление к месту среди суверенных государств, характеризуя тем самым достаточную прочность и привлекательность идеи национального государства.